

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008:316.42

Т. С. Злотникова

Семиотика коммуникации и семиотические аспекты самореализации ученого

Личность выдающегося ученого-семиотика Ю. М. Лотмана впервые рассматривается с точки зрения самореализации лектора в межличностном и медийном коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: семиотика, коммуникация, Ю. М. Лотман, личность ученого, субъект, преподаватель, лектор, телевидение, свобода.

T. S. Zlotnikova

Semiotics of Communication and Semiotics Aspects of the Scientist's Self-Realization

Identity of the prominent semiotician J. M. Lotman was analyzed for the first time in terms of a self-lecturer in media and interpersonal communication space.

Keywords: semiotics, communication, J. M. Lotman, personality of the scientist, a subject, a teacher, a lecturer, television, freedom.

Личность ученого, вопреки представлению о его кабинетном затворничестве или мучительной распаханности в университетской аудитории, сегодня не может рассматриваться только в контексте прежних представлений об академически-строгой уединенности. Исследователь не только приходит к малым и неумелым в их узкий круг, но становится субъектом коммуникации в системе массовых коммуникаций.

Личность ученого – интеллектуала, носителя нового знания и хранителя знаний, приобретенных прежде, властителя дум, любимца и «грозы» студюзов, друга и высшего судии – в России еще недавно по традиции воспринималась по-особому. Не только поэт в России «больше чем поэт», но, по крайней мере, в некоторых случаях, ученый – тоже «больше чем ученый». Его поведение, особенности общения с окружающими, само его присутствие в поле деятельности других людей оставляют существенный след в жизни академического сообщества. И, если бросить взгляд не только в прошлое, но и в современность, – не только академического сообщества, а еще и так называемой широкой публики. Ибо для кого, как не для нее выпускается сегодня на телеканале «Культура» проект "Academia", в рамках которого читаются лекции для узкого круга

юных слушателей в студии и неотрефлексируемого круга зрителей перед телеэкраном.

И для кого, адресуясь к неизмеренному пространству по ту сторону телекамеры, высказывался двадцать с лишним лет назад Ю. М. Лотман? Именно его мы считаем в высшей степени репрезентативным ученым – исследователем и популяризатором семиотического знания. Что значимо не только в год 90-летия со дня рождения выдающегося ученого.

1. Рассмотрим некоторые из значимых для обсуждения поставленной нами проблемы идеи Ю. М. Лотмана, известные сами по себе, но приобретающие особое значение в контексте изучения личностных аспектов семиотики коммуникации применительно к личности самого же Ю. М. Лотмана.

«Поведение может быть непосредственным (например, трудовое поведение) и знаковым». Этот тезис может быть сочтен ключевым применительно к поведению ученого в его публичном (несущественно – в малой или большой по количеству воспринимающих) существовании/коммуникации [4, с. 548].

Представляется не требующим специальных доказательств – в силу известной аналогии педагога (школьного учителя, университетского профессора) и актера. Публичность самореализации

творца, если понимать это слово в широком смысле, позволяет применить к коммуникации ученого-лектора представления Ю. М. Лотмана о «двуплановом поведении» субъекта театральной игры, находящегося на сцене [4, с. 585].

Ю. М. Лотман говорил об оппозиции, рожденной соотношением «сцена – зрительный зал» и отчасти, по нашему мнению, вмещающей в себя соотношение «кафедра – студенческая аудитория». Эта оппозиция заключает в себе: 1) существование – несуществование (когда зрительный зал будто бы невидим для тех, кто на сцене); 2) значимое – незначимое («поступок, жест и слово приобретают по отношению к своим аналогам в повседневной жизни дополнительные значения...»); 3) на этом фоне характеризуется отношение к художественной детали, которая в кинематографе играет, а в театре – обыгрывается [4, с. 588, 589, 595].

Несомненным генетическим признаком зрелища, участником/творцом которого можно считать ученого/лектора, является не просто наличие *зрителя*, но его соучастие, включение в систему (структуру) произведения, соединение актеров-профессионалов и любителей в городских зрелищах «для народа», когда праздно наблюдающая (например, за демонстрацией) толпа растворяется в акции, невольно соучаствуя в режиссерском замысле, вникая в него и подчиняясь ему. Специфической является *позиция зрителя*, основанная на различении партнерства, либо созерцания, либо отождествления себя с носителем того, что сегодня называет *арт-имиджем*. Позиция зрителя традиционно основывается на убеждении в «пригодности» пространственных объектов к созерцанию, на «презумпции осмысленности», когда зритель уверен: он видит то, что «ему показывают»; «показывают с определенной целью» и показываемое «имеет смысл» (по слову самого Ю. М. Лотмана).

Таким образом, собственные размышления Ю. М. Лотмана позволяют соотнести его практику (осознаваемые с позиций семиотики коммуникации) с его теоретическими позициями: ученый/лектор как участник своего рода сценического «действия» – о чем шла речь выше – рассматривается в контексте существования ученого/мыслителя как субъекта интеллектуальной деятельности.

«...*Элементарный акт мышления есть перевод*». Обратим внимание на то, что ученый не пытается говорить о сверхсложных акциях человека, всего-навсего – об элементарном, генетиче-

ски присущем ему акте мышления. Под переводом же понимается соотнесение мыслимого образа и породившего данную акцию явления действительности. «*Теперь мы можем сказать, что элементарный механизм перевода есть диалог*». Следует отметить то естественное качество диалога, которому ученый придает особое значение, – а именно факт участия в нем двух сторон. Правда, Лотман здесь игнорирует – в силу верности излюбленному им принципу бинарности – то, что, кроме двух участников действия, называемого переводом, то есть, источника и переводчика, есть еще слово или иной культурный код, с помощью которого этот перевод осуществляется, а также реципиент, являющийся конечным адресатом осуществляемого перевода. «*Диалог подразумевает асимметрию, асимметрия же выражается <...> в различии семиотической структуры (языка) участников диалога*» (можно особо отметить различие языка участников диалога, основанное на специфике обыденного сознания у читателя/слушателя и ученого/лектора, несущего в ряде случаев информацию о той или иной области жизни, которая располагается вне поля обыденного сознания [2, с. 268]).

Опираясь на идеи Ю. М. Лотмана – теоретика коммуникации в ее общечеловеческом и конкретном (художественно-эстетическом) вариантах, мы получаем возможность применить к его собственной деятельности, в частности, как телеведущего, логику семиотических построений.

Как известно, общие представления теории коммуникации разработаны на основе схемы: «передающий – сообщение – принимающий». «*Предполагается*, – иронизирует Лотман, – *что она покрывает все коммуникативные ситуации*». Здесь естественно возникают тривиальные, на первый взгляд, вопросы: является ли ученый/лектор участником коммуникации? сознает ли он факт коммуникации как значимый в своем личностном горизонте? осуществляет ли коммуникацию целенаправленно? способен ли на коммуникацию в ее самой странной, хотя и привычной для размышляющего интеллигента, форме: непрямой? «*В частности, автокоммуникация рассматривается лишь как ее частный случай*». Можно с уверенностью утверждать, что большая часть лекторских высказываний есть инвариант именно автокоммуникации, ибо единственный реальный читатель-слушатель-зритель в этом случае – сам лектор. Отсюда, возможно, рождается сомнение даже в диалогичности, а уж тем

более в полилогичности научного общения... [3, с. 666].

Лотман предлагает: «коммуникацию «Я–Я» называть внутренней, а «Я–ОН» – внешней» и определяет их различия тем, что «внешняя коммуникация ориентирована на получение сообщения, а внутренняя – кода» [3, с. 667]. Работа ученого основывается на том непреложном свойстве внутренней коммуникации, что «сам с собой» человек общается вне и помимо комментариев, объяснений, преамбул, выводов; самому себе человек не отправляет сообщения, исключая такие формы автокоммуникации, как дневник (впрочем, здесь можно отдельно обсуждать особенности адресации текста, если учесть обращение к дневнику как замещению реального собеседника – что явствует из психиатрически выверенной структуры сообщений в «Записках сумасшедшего» Н. Гоголя).

Чаще же всего для ученого/лектора, в силу отсутствия непосредственного контакта с адресатом, внутренняя и внешняя коммуникация практически совпадают. Редкий, в том числе явно инспирированный случай интерактива на телевидении принимать во внимание не стоит в силу малой доли его в лекторской коммуникации как таковой.

2. Ю. М. Лотман – своего рода «семиотический феномен», каковым он, по нашему мнению, был и в качестве университетского профессора, и в качестве телевизионного лектора.

Личность Ю. М. Лотмана – преподавателя, теоретика и субъекта коммуникации – видится сегодня в особом историко-культурном ряду, на деталях которого стоит остановиться подробно с помощью мемуарных зарисовок В. Б. Шкловского (разумеется, имеющих отношение не к Лотману, а к человеку другого поколения).

Первая зарисовка касается так называемых атмосферных особенностей восприятия знаменитого ученого/педагога: «Иду на экзамен: экзамены у Бодуэна де Куртенэ были легкие. Он хотя и задавал вопросы, но не удивлялся незнанию. Огорчался прежней ложной учености и шрамам, оставшимся на теле языкознания от пут классической филологии, увлечения многочтением...

...Университет длинен, как профессорская полка с книгами, составленная из двенадцати секций. Здесь Бодуэн де Куртенэ...

Говорят, что когда ему в Казани сильно надоела полиция, спрашивая о связях и происхождении, то профессор заказал карточки с обозначением:

“И. А. Бодуэн де Куртенэ. Иерусалимский король”.

Польская – серьезная и притязательная – шутка» [7, с. 89, 90].

Вторая зарисовка касается специфики коммуникации «ученый – ученик» как семиотического феномена: «Бодуэн в аудитории анализировал не книги, а то, что было в нем самом, в нас и между нами: речь как средство мысли и коммуникации...

...Пошел к Бодуэну де Куртенэ и сам передал профессору брошюрку, посмотрел бедную, заставленную книгами квартиру. Взъерошенная, перестраивающаяся армия книг заполнила плохо покрашенные полки; сюда стала и моя тощая книжка, в синей сахарной бумаге – обложке» [7, с. 92, 93–94]

По аналогии с тем, как (по эмоциональным, психологическим нюансам) и каким (в своем внешнем облике, в манере поведения) воспринимал Шкловский Бодуэна де Куртенэ, видится восприятие Г. Г. Почепцовым (в свое время – аспирантом) уже Ю. М. Лотмана.

«Лотман воссоздавал климат культуры, статус гуманитария, утерянный за десятилетия триумфального правления советской власти. Тартуский университет в те годы был островком интеллектуальных еретиков всего бывшего Советского Союза, и место главы этой школы по праву занимал профессор Лотман. Я вспоминаю, как в семидесятые годы присутствовал на одном из Тартуских семинаров по изучению вторичных моделирующих систем (так тогда перефразировалась семиотика). И мне хорошо запомнилось одно непосредственное ощущение того времени: если бы Ю. Лотман набирал в тот момент себе рабов, я бы без промедления вступил в их число» [5, с. 310–311].

Рядом с приведенным восторженно-субъективным всплеском мемуариста можно найти и другие свидетельства других коллег-учеников, которые имели коммуникацию с Лотманом. Важно, что можно получить не только конкретные – всегда трогательные, всегда приподнятые по тону – высказывания, но и вполне конкретные, информативные. Семиотика поведения ученого/учителя обретает едва ли не классические, традиционные, казалось бы, клишированные очертания. Так, к примеру, выглядят сведения от Л. Киселевой, рассказавшей о рассуждении Ю. М. Лотмана, согласно которому *ученики оценивают не только то, что говорит учитель, а всю его личность и именно своей лично-*

стью, человеческим обликом как в классе, так и за его пределами, учитель оказывает основное воспитательное воздействие на учеников [1].

Однако в культуре второй половины XX в. достаточно распространенным стало перетекание деятельности ученого из университетской аудитории в телевизионную студию. Эта тенденция коснулась и значимо проявилась в жизни Ю. М. Лотмана.

Человек на телевидении – особый семиотический объект, в качестве которого в истории отечественной культуры может рассматриваться теоретик семиотики коммуникации, ученый и преподаватель-лектор, Ю. М. Лотман.

Актерский способ самореализации личности сконцентрировал в себе деятельность людей, чья профессия была связана с искусством, но носила характер не участия, а наблюдения, – литературоведов, театроведов. В немалой степени эта тенденция обязана своим возникновением телевидению 1960-х гг. с его разнородной аудиторией, далекой от академической определенности слушателей лекций в прежние времена. В еще большей степени она, тенденция, сформировалась благодаря работам И. Л. Андроникова и уникальности его личности: ученого, лектора, рассказчика, имитатора. Текст – это *его* мысль, облеченная в слова, автор и исполнитель (если говорить языком театра) здесь сливались воедино. Его «продукт» критик определил следующим образом: «рассказ – телевизионная передача». Коммуникация выстраивалась в логике, где имелись собственные «приемы и способы изобразительности. Есть то, что не дано даже незаурядному чтецу, – свое, независимое от акта публичного выступления отношение» [6, с. 19].

В разных формах возникало на телеэкране существование с актером в роли литературоведа или театроведа и вроде бы требовало от последних тоже перевоплощения. В многосерийном документальном телефильме об А. П. Чехове доктор филологических наук В. Лакшин, говоривший о писателе А. Чехове, вел диалог с актером Ю. Яковлевым, говорившим «за Чехова», а также с другими актерами. В учебной передаче о Б. Шоу доктор искусствоведения А. Аникст сидел за столом и беседовал... с самим Шоу, текст которого произносил загримированный «под Шоу» актер Р. Плятт. Оставляя в стороне вопрос о художественном такте и вкусе авторов фильма и телепередачи, когда взаимодействие в кадре современного ученого и давно умершего писателя должно было, по их мысли, внести оживление

и облегчить восприятие «учебного материала», – отметим главное в плане решения проблемы коммуникации в семиотическом аспекте. *Неактеры* участвовали в создании образа – в данном случае *Ученого вообще*, как бы поверх своей бытовой личности вступающего во внежитейский контакт с предметом своего изучения.

Образ, но уже конкретного персонажа, намечала Н. Крымова в одной из передач о драматургии Чехова, где из-за кадра она, автор передачи, от имени одного персонажа вела диалог с актером В. Золотухиным, игравшим в кадре другого персонажа. Критик и историк театра, она определяла отношение к событиям уже не «со стороны», а изнутри, приближаясь к действиям, соответствующим представлениям об актерском перевоплощении.

Телевизионные лекции Ю. М. Лотмана по своему коммуникативному обеспечению отличаются и от прежних телеопытов, и от того, что предпринимается сегодня на телеканале «Культура» в проекте "Academia", где лекторы общаются со стандартно усаженной за столы небольшой по составу молодежной аудиторией, стоя перед ней, как это принято в университете. Съемки конца 1980-х гг. зафиксировали ученого в обстановке, так сказать, профессорской небрежности и неухоженности в духе того жилья, в каком писал В. Шкловский в связи с жильем его университетского профессора Бодуэна де Куртене. Тип речи Лотмана тоже не традиционно академичен: это не лекция, а беседа с человеком, не слишком подготовленным к восприятию идей и фактов, но воспринимаемым как в определенной степени достойный того, чтобы выслушать его. Понятно, что, как это было принято в свое время, рядом с оператором, по ту сторону камеры, находился редактор программы, ассистент, иными словами, живой человек, к которому можно было обращаться, чтобы не говорить совсем уж в пустоту.

Семиотика поведения ученого обуславливается в случае, какой демонстрирует работа самого Ю. М. Лотмана и многих, кто оказывается в подобном положении, сочетанием двух модальностей. Их наличие очевидно для исследователя, который (сошлюсь в этом качестве на себя самое) имеет разнообразный опыт работы на телевидении именно в том «амплуа», которое обсуждается в настоящий момент. Одна модальность может быть названа «ученый на телеэкране»; имеется в виду принадлежность человека к числу объектов восприятия аудиторией, для которой

этот объект находится в общем ряду с ведущими выпусков новостей, участниками реалити-шоу или кукольными персонажами вечерней сказки для малышей. Вторая модальность – «ученый перед телекамерой»; в этом случае имеется в виду самоощущение человека, поневоле осуществляющего автокоммуникацию.

Осознание двух названных модальностей ученым как субъектом коммуникации создает для человека серьезные психологические проблемы, требует преодоления этих проблем, но, в то же время, позволяет осознанно организовать эту самую коммуникацию. Семиотические маркеры («профессор», «источник знаний», «неординарный человек», «недосягаемый интеллект», «занимательный рассказчик» и другие, в зависимости от позиции, избранной человеком или предложенной/навязанной ему) в значительной степени формируют коммуникативную среду, обуславливая успешность коммуникации.

В беседе, посвященной интеллигенции в культуре, казалось бы, в полном соответствии с давними, хотя и не устаревшими представлениями о синонимичности «интеллигента» и «мягкотелости», звучат речи о терпимости и доброте. И вдруг – все тем же ненавязчивым тоном, не то чтобы торопливо, но явно без учета того, что надо создать удобства слушателям, которые могут попытаться конспектировать его драгоценные мысли, – профессор Лотман произносит явно не в этот момент родившиеся слова, то есть, по сути, *credo*: «Внутренней, высокой интеллигентности присущ героизм. Человек интеллигентной души – как правило, борец». Правда, такая отточенная декларация предворяется вполне привычной для интеллигента, в том числе и лектора-интеллигента, вводной формулой: «Мой жизненный опыт подсказывает...»

Создателям телепрограмм более чем двадцатилетней давности на всякий случай казалось нужным перекрывать говорящего человека иллюстрациями из книг, которые он же сам держал в руках и перелистывал. С одной стороны, коммуникация приобретала привычный модус (лектор говорит и показывает), с другой стороны, вводилась в систему телевизионной раскадровки (зрительный ряд должен был заполняться, хотя бы в небольшой степени следуя за речью «говорящей головы»). Хорошо еще, что говорящий профессор в какой-то момент в свою не то чтобы гладко льющуюся, но органично производимую речь вкрапывал цитаты; тогда рука тянулась к очкам, очки надевались, на коленях умащивалась

книга, из которой хотелось прочесть вслух какие-то фразы. Автокоммуникация органично сочеталась с коммуникацией, осуществляемой вовне, не мешая непрерывному ходу речемыслительной деятельности.

Повествователь (полагаю, это точнее выражает сущность коммуникации Лотмана в телепрограммах) рассказывает как о своем личном, будь то современный писатель Виктор Некрасов или давний единомышленник Вольтер. Рассказывает почти как сказку. Создается впечатление, что он любит людей и любит рассказывать о них, даже об «ужасах» (по поводу которых «Вольтер исходит ненавистью и слезами») ему рассказывать приятно, в крайнем случае – интересно, и уж точно – не надоело.

Вполне очевидно, что профессор Лотман потому и оказался перед телекамерой, что любит *рассказ как историю* и *рассказывание как процесс*. Он никого не изображает (не актер!), но, возможно, кому-то из прежних профессоров, которых ему самому когда-то нравилось слушать и наблюдать, подражает: заканчивая встречу, он слегка нарочито и потому эффектно захлопывает книгу и тем самым завершает рассказ-размышление, едва ли не воспоминание о... Вольтере.

Свобода речи человека, не нуждающегося в бумажных подсказках, когда говорится о давно и многократно обдуманном; свобода обращения с материалом, когда органичным является переход от отточенных научных формулировок к бытовым ассоциациям и даже анекдотам (об искусстве, которое стремится быть похожим на жизнь, и о статисте в американском театре, где нельзя было позволить чернокожему Отелло безнаказанно задушить белую женщину). Свобода обращения к отсутствующим в кадре слушателям – «вы видите...». Речь может быть ритмически неровной, фраза дробится, в ней появляются смысловые «ответвления». Свобода использования лексического потенциала, где рядом с научными или просто корректными оборотами и понятиями вдруг возникает слово «дешевка», примененное по отношению к естественному сочетанию искусства и не-искусства.

Визуальные характеристики текста поведения профессора в кадре (перед телекамерой) вполне совпадают с ожиданиями публики. Следует сделать вывод: то ли эти ожидания достаточно примитивны, то ли профессор идеально вписывает себя в коммуникативные представления соотечественников.

Мизансцена демонстративно проста: руки лежат на подлокотниках кресла, в кадре нет ни стола, ни чего-либо, подобного попугаю. Человек в кадре говорит без конспекта, если читает – то фрагменты из книги, поскольку цитировать по памяти неприлично. Семиотика поведения вполне соответствует обыденному статусу ученого-лектора. И вот сидит он: одет – корректно, пиджак, галстук; но шевелюра и усы – не то чтобы неухоженные, но и не приглаженные, ибо кто же решится предложить Лотману специально причесаться, тем более подстричь распадающиеся за ушами седые, легкие волосы... И, наконец, речь как смыслообразующий элемент семиотики поведения ученого. Интонационный рисунок, сила голоса характеризуют не лектора, но собеседника: достаточно быстрый темп, поскольку человек не диктует для удобства конспектирования, а рассуждает в ожидании ответной реплики или вопроса.

Свобода – значимый предмет размышлений профессора Лотмана («Там, где есть выбор, есть свобода», «Вероятность есть ограничение свободы») и не менее значимая интенция, характеризующая семиозис его публичного поведения. Говоря об изначально свободной сфере человеческой деятельности, искусстве, Лотман это обнаруживает в разных вариантах. Следуя образцу свободного конструирования семиотической модели «ученый – субъект коммуникации», позволим себе обозначить логику, в которой предлагаем воспринимать опыт ученого: Ломоносов – сам по себе – академия; Станиславский – сам по себе – система; Лотман – сам по себе – семиотика.

Библиографический список

1. Киселева, Л. Ю. М. Лотман – заведующий кафедрой русской литературы [Текст] / Л. Киселева // Slavica Tartuensia V. – Тарту, 2003.
2. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2001.
3. Лотман, Ю. М. О двух моделях коммуникации и их соотношении в общей системе культуры [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера. – М., 2001
4. Лотман, Ю. М. Семиотика сцены [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство – СПб., 1998.
5. Почепцов, Г. Г. История русской семиотики до и после 1917 года [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М.: ЛАБИРИНТ, 1998.
6. Свободин А. Пушкинская роль Андроникова [Текст] / А. Свободин // Откровения телевидения. – М.: Искусство, 1976.
7. Шкловский, В. Б. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1962 г. [Текст] / В. Б. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1964.